

— Знаю, конечно, знаю. Три года я с ним бумагу жёл, как я могу не знать? — Бай Яньнань опустил голову, тщательно очистил заусенцы вокруг большого пальца и только потом продолжил. — В эти дни годовщина смерти его деда, верно?

Подняв взгляд, он сохранял спокойное выражение лица, но в его глазах явно читалась тень злобы.

Сяо Жофэй, явно разозлённый, продолжил:

— Если ты знаешь, то почему...

— Гу Чуньлай — профессиональный актёр, — с уверенностью ответил Бай Яньнань, неторопливо дую на свои ухоженные кончики пальцев. — Он должен сохранять профессионализм в любой момент. Пока он может стоять, говорить и дышать, он сможет играть. Ты боишься, что в годовщину смерти деда он сыграет сцену смерти, вспомнит своё прошлое и сломается?

— Ты...!

— Ты специально запрещаешь ему играть в определённый день, но этим только вредишь ему.

Сяо Жофэй напрягся, его взгляд стал подобен взгляду ястреба, направленному на человека, которого можно было бы назвать бывшим партнёром. Никаких следов прошлой нежности не осталось:

— Слушай, Бай Яньнань, актёр — это меч. Его нужно точить, нагревать, ковать, иначе он не будет острым. Но если злоупотреблять им, он сломается.

Бай Яньнань посмотрел на него и разразился громким, жутким смехом:

— Ты говоришь это мне? Ты смеешь говорить это мне? Посмотри на себя, Сяо Жофэй, какой ты лицемер. Скажи мне, когда ты писал сценарий для «Сказания, учения, шуток и пения», разве ты не думал о Гу Чуньлае? Разве ты не использовал его историю? Кто этот Чжоу Сяоча, который переживает крах в любви, теряет близких и терпит неудачи в карьере? Я тебе скажу, если Чуньлай действительно сломается, вина не на мне, а на тебе!

Они были как два обнажённых меча, застывшие в воздухе, готовые в любой момент схлестнуться.

В этот момент дверь со скрипом открылась и закрылась. Гу Чуньлай ворвался в комнату, держа в руках огромный контейнер с едой, и обратился к двум мужчинам, сидящим на кровати в напряжённой позе:

— Лапша пришла, ешьте, пока горячая. Лапша с помидорами и яйцом.

Он поставил контейнер на тумбочку, открыл его, и внутри оказались три термоса — красный, синий и зелёный. На красном было имя Сяо Жофэя, на зелёном — Бай Яньнаня, а синий остался без имени.

— Зачем так подробно разделять лапшу? — сказал Бай Яньнань, протягивая руку к красному термосу, но Гу Чуньлай оттолкнул его.

— Почему мне нельзя есть это? — проворчал тот, обиженный.

Гу Чуньлай спокойно распределял еду, комментируя:

— У Жофэя воспаление миндалин, ему нельзя острое. А ты в последние дни после работы занимаешься делами компании, устаёшь, поэтому я добавил в лапшу куриный бульон с женьшенем, чтобы снять усталость.

— Ты специально готовил три порции отдельно? — хриплым голосом спросил Сяо Жофэй, принимая миску и касаясь кончиками пальцев покрасневших пальцев Гу Чуньлая.

Чуньлай кивнул, задержавшись на мгновение, и тихо сказал:

— У тебя всё ещё температура, отодвинь руку, я покормлю тебя.

Бай Яньнань наблюдал за ними с мрачным выражением лица, раздражённо открыл термос и, опустив голову в миску, начал есть с аппетитом.

Прошло меньше двух недель с тех пор, как Гу Чуньлай покинул Байшуй, но ему казалось, что прошло два года.

В Цзинчэне всё ещё тепло, днём светло, вечером ещё ярче, повсюду шум, это настоящий город, который никогда не спит. После работы воздух наполнен ароматами жареного мяса и солода, как будто после долгого дня настоящая жизнь только начинается. После окончания университета Гу Чуньлай редко выходил вечером, даже если были выступления, он сразу возвращался домой, как примерный семьянин. Но Бай Яньнань не любил оставаться один, не любил есть в одиночестве, и после записи не отпускал его, таща за собой и нескольких ассистентов, чтобы вместе бродить по улицам в поисках ужина или ночного перекуса.

Гу Чуньлай не стал возражать, да и не хотел. Бай Яньнань всегда был решительным, добивался своего, и он считал, что не стоит тратить время и слова на такие мелочи, поэтому просто шёл за ним.

Но спустя столько лет Гу Чуньлай всё ещё не мог привыкнуть. Каждый раз, погружаясь в ночной шум, он вспоминал одного человека, его улыбку, его смелые слова, его глаза, полные нежности, когда он был слегка пьян.

Он вспоминал, как одиноко было без этого человека.

Особенно когда Бай Яньнань был справа, Гу Чуньлай не мог не повернуть голову, представляя, что между ними ещё кто-то есть.

Раньше всё было иначе.

Они только что расстались, между ними были тысячи километров, они были так заняты, что несколько дней не общались. Но на этот раз Гу Чуньлай знал, что он всё ещё занят, Сяо Жофэй на съёмочной площадке тем более, но как только у него появлялось свободное время, он не мог оторвать глаз от WeChat, постоянно открывая переписку с «Пёстрой бабочкой», потому что Сяо Жофэй уже оставил ему больше 99 сообщений, ожидая, пока он прочитает их. Неосознанно он мог ответить на сотню сообщений, и если Сяо Жофэй был свободен, он не выпускал телефон из рук.

Но сегодня днём их красная цифра будто перестала работать. После утреннего сообщения Гу Чуньлай больше не получал ответа. Каждый раз, когда он отдыхал, каждый раз, когда двигался, сколько бы раз он ни писал «Как ты?», Сяо Жофэй больше не отвечал. Его сердце

было полно тревоги, он никогда не чувствовал себя так, даже во время фотосессии он с трудом удерживал лёгкое перо.

Закончив последний снимок, было ровно шесть вечера. Их промо-задачи на этот период завершились, и Гу Чуньлай не хотел оставаться ни на минуту дольше, впервые отказавшись от ужина с Бай Яньнанем.

Он хотел увидеть Сяо Жофэя в следующую секунду.

Но он никак не ожидал, что после долгой дороги, вернувшись к Сяо Жофэю, его ждёт такая картина. Человек, о котором он думал день и ночь, был болен, его губы были бледными, лицо красным, дыхание тяжёлым, даже во сне он не находил покоя.

Сейчас он смог съесть полмиски лапши, и это уже было огромным облегчением.

После ужина было уже за полночь. Сяо Жофэй снова почувствовал сонливость, почистил зубы и снова уснул.

Гу Чуньлай решил проводить Бай Яньнана до гостиницы. Он понял, что раньше был слишком импульсивен, отказавшись от ужина. Но тот, узнав о ситуации, сам предложил отвезти его обратно и помог присмотреть за Сяо Жофэем, пока он готовил еду. Он не знал, как отблагодарить его.

Выйдя из комнаты и закрыв дверь, он просто сказал:

— Спасибо, что сегодня согласился отвезти меня обратно.

Бай Яньнань махнул рукой и ответил:

— Я и сам собирался поговорить с Жофэем, лицом к лицу это удобнее.

— Да, конечно, лицом к лицу удобнее, особенно для дел. Но, может быть, подождать, пока он немного поправится...

Гу Чуньлай не успел договорить, как Бай Яньнань схватил его за воротник, с глухим стуком прижал к стене, заставив смотреть на себя. Их взгляды встретились, застыв в холодном Байшуе, как лёд.

— Яньнань, что ты делаешь? — попытался освободиться Гу Чуньлай, но руки Бай Яньнана были словно из железа, он не мог пошевелиться.

Через мгновение Бай Яньнань сквозь зубы произнёс:

— Чуньлай, хватит притворяться дурачком, ты правда не понимаешь? Мы будем обсуждать... тебя!

Гу Чуньлай сохранял спокойствие, неторопливо ответив:

— Я действительно не понимаю, о чём ты.

— Жофэй тоже отправил тебе контракт, верно? — указал Бай Яньнань на него.

— Ещё нет, я не дал официального согласия, он только прислал мне проект.

Бай Яньнань кивнул:

— Хорошо, я поговорю с ним, заставлю его отказаться от тебя. Я покажу ему, что ты лучше всего подходишь для нашей студии, а не для «Цаньсин». Я заставлю тебя забрать свои слова обратно.

Гу Чуньлай понимал, что сейчас ситуация сильно отличается от той, когда он отказал Бай Яньнаню.

— Не надо, это действительно не нужно. Мы всё сделаем по правилам. Я тщательно всё обдумаю и сделаю выбор, который подходит для моей карьеры.

— Гу Чуньлай, прошу, очнись, ты видишь, как быстро растёт твоя популярность? Всё идёт так, как я и предсказывал, ты начинаешь становиться знаменитым, и будешь всё популярнее, поверь мне, со мной ты однажды сможешь выбирать проекты, не прилагая усилий.

Несмотря на нежелание во время промо, Гу Чуньлай не мог отрицать, что его данные взлетели как ракета. Это было очевидно. Но всё это было для него слишком новым и внезапным, он ещё не до конца понял, какой путь выбрать.

Ему действительно нужно время, и Сяо Жофэй обещал дать ему это время.

Он верил Сяо Жофэю.

— Яньнань, почему... почему именно я? В мире столько талантливых актёров? Зачем выбирать меня?

<http://bllate.org/book/15563/1415735>